

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

А. С. Лобанова

«ДА, НЕ В ТЕМУ, НО КРАСИВО ЖЕ, КРАСИВО!»: ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЖИТЕЛЯМИ ЙОШКАР-ОЛЫ

Автор статьи рассматривает процесс конструирования городского пространства и практики его восприятия местными жителями на примере провинциальной столицы — города Йошкар-Олы (республика Марий Эл). Губернатор республики Л.И. Маркелов активно занимается преобразованием города. В качестве примеров заимствования он выбрал знаменитые европейские (Италия, Бельгия, Голландия), а также российские образы. Несмотря на то, что ни культурно, ни исторически Йошкар-Ола не связана со средневековой Европой, в настоящий момент город активно создается в этих метафорах: на улицах появились памятники Рембрандту, Лоренсу де Пьеро Медичи, почти точная копия площади Сан-Марко в Венеции, набережной Брюгге. По мнению местных жителей и впечатлению гостей города, а также по данным публикаций в средствах массовой информации, в Йошкар-Оле выбран довольно не типичный для большинства российских городов путь изменения архитектурного облика. Опираясь на концепцию Анри Лефевра, в статье сделана попытка описать специфику теоретической модели (пространства репрезентаций, репрезентации пространства и пространственных практик) на примере случая Йошкар-Олы. Для анализа специфики восприятия пространства местными жителями используются понятие гетеротопии пространства (М. Фуко) и теория Э. Гидденса о месте. На материалах интервью с местными жителями, публикаций в СМИ, а также фотоматериалах были описаны особенности восприятия города жителями Йошкар-Олы. В попытке освоить новую часть города жители часто указывают на эстетическую привлекательность нового пространства. Опираясь на опыт жизни в типовом советском городе, йошкарولينцы не устают восхищаться новым образом центра столицы. Однако несмотря на важную для горожан эстетическую привлекательность новой части города, проблемы социальной инфра-

Анна Сергеевна Лобанова — магистр социологии Казанского Федерального университета, института сравнительных исследований модернизации обществ (ansergeevna.lob@gmail.com)

Anna Lobanova — Master in sociology of Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Comparative Studies societies modernize (ansergeevna.lob@gmail.com).

Лобанова А. «Да, не в тему, но красиво же, красиво!»...

структуры вкупе с неоднозначным восприятием символов, заимствованных из европейской культуры, создают довольно неоднозначное восприятие нового локуса Йошкар-Олы.

Ключевые слова: социология, социальное пространство, место, город, Йошкар-Ола, производство пространства, гетеротопия.

Современные языки города вот уже больше чем столетие активно борются за право первенства: это язык «высокого урбанизма» и язык повседневных практик (Вахштайн 2013). «Высокий урбанизм», которым руководствуются властные элиты, представляет собой материальное воплощение властного дискурса. Принуждение городского пространства к символу (брендинг города, создание «креативного пространства») — практика, характерная для многих городов: Санкт-Петербурга, Нью-Йорка, Лас-Вегаса, Бразилиа и др. Даже при условии, что правящие элиты имеют все возможные полномочия для конструирования городского пространства, сам социальный «космос» представляет собой скорее продукт общности людей, чем творение элиты (Lefebvre 1991). Согласно концепции А. Лефевра (ibid), общество выступает в качестве создателей (creators) места, а, следовательно, именно повседневные практики, способы интерпретации места создают его как таковое. Проблематику городского пространства в российском научном сообществе можно назвать модной: этой теме, так или иначе, уделяют внимание многие исследователи. Так, В. Вахштайн фокусируется на повседневных практиках в городской среде (Вахштайн 2013), В. Глазычев — на организации и развитии городской среды (Глазычев 2009), А. Желнина — на пространстве креативного класса и пространстве потребления (Желнина 2011), О. Запорожец — на микроурбанизме (Царицыно — аттракцион с историей 2014), Е. Трубина — на критической урбанистике (Трубина 2011), А. Хохлова — на креативном городе (Хохлова 2011). Однако кейс города Йошкар-Олы еще не был рассмотрен социологами пространства. Между тем Йошкар-Ола представляет собой уникальный пример конструирования городского пространства, включающего как образ классического советского провинциального города, так и столичный европейский образ новой формации. Цель данной работы — проанализировать процессы конструирования городского пространства и практики его восприятия местными жителями на примере Йошкар-Олы, столицы республики Марий Эл.

Концепции социального пространства: теоретическая рамка

По мнению А. Лефевра, пространство можно понимать скорее как продукт социального взаимодействия, нежели как независимую данность. Стратегии государства или предпринимателей относительно изменения пространства часто вступают в конфликт с представлениями и повседневными практиками горожан в социальном пространстве (Lefebvre 1991).

Согласно концепции Лефевра, пространство представляет собой триединство следующих составляющих:

1. Репрезентации пространства. Это восприятие пространства людьми, имеющими как прямое, так и косвенное отношение к его созданию (художни-

ками, архитекторами, инженерами, представителями власти). Репрезентация пространства — это пространство с точки зрения властного дискурса (пример — генеральный план города). С помощью репрезентации пространства властные структуры управляют восприятием города и повседневными рутинными практиками горожан (Lefebvre 1991: 38).

2. Пространства репрезентаций. Это обратная сторона медали репрезентации пространства, а именно пространство жителей (*lived space* — обжитое пространство). Пространство репрезентаций не осмысливается жителями как таковое, а представляет скорее сложный неотрефлексированный и чувственный образ, наполненный многозначными символами: родительский дом, родина, школьный двор, родной город. Именно в этом пространстве зачастую сосуществуют реальное и воображаемое. Именно в этой категории информанты раскрывают свой опыт освоения пространства (Lefebvre 1991: 39).

3. Пространственные практики. Речь идет о повседневных, рутинных практиках горожан: досуга, выбора маршрута, тактики перехода дороги. «Эти практики охватывают производство и воспроизводство, задумку и реализацию, представленное и обжитое и так или иначе обеспечивают социальную связность, непрерывность и то, что Лефевр называет "пространственной компетенцией"» (Бедаш 2012: 220). Практики «снизу» не всегда совпадают с генеральным планом или образом «сверху». Планы архитекторов и амбиции властей, как правило, находятся в конфликте с миром повседневных практик.

Еще одно важное понятие, предложенное Лефевром, — «право на город». По мнению ученого, «право на город» представляет собой процесс постоянного присвоения пространства местными жителями (но не владения). Другими словами, скорее использование, чем обладание (Purcell 2002).

Однако город можно воспринимать не только как площадку для конфликтов интересов застройщиков и жителей с их повседневными практиками, можно анализировать город, используя оптику категории «пространство». Здесь можно выделить два полярных кода, которые определяют пространство с точки зрения социологического анализа: утопия и гетеротопия. Устройство места в логике утопии стремится к прозрачности, гомогенности мест. Формальная рациональность в данном случае довлеет над разнообразием неформальных практик. Яркий пример планирования города в подобной логике — «Лучезарный город» Ле Корбюзье. Гетеротопия — антагонист утопии, своим примером она доказывает невозможность существования утопии в силу специфики повседневных практик. М. Фуко пишет: «Иначе говоря, мы живем не в каком-то вакууме, внутри коего можно располагать индивидов и вещи. <...> Мы живем в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся» (Фуко 2006: 195). Гетеротопия имеет свойство сопоставлять в одном единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы. «Именно так театр сменяет на прямоугольнике сцены целый ряд чуждых друг другу мест; именно так кинотеатр являет себя нам как прямоугольный зал, в глубине которого, на двухмерном экране мы видим проекцию трехмерного пространства; но, возможно, самым древним из примеров этих гетеротопий, имеющих форму противоречащих друг другу местоположений, является сад» (там же). Современное социальное пространство собственно и представляет ге-

теротопию, оно многослойно, как кринолиновая юбка барышни XIX века. Мы постоянно сталкиваемся с многообразием и нестабильностью кодов социального пространства, зачастую они (коды) неожиданно сменяют друг друга, накладываются один на другой. Тому причины и меняющаяся политическая, экономическая ситуация, и изменения повседневных практик горожан, и конкретный культурный, социальный багаж индивида, осваивающего пространство. На их пересечении рождаются новые символы, отсюда эффект гетеротопии — соединения в одном пространстве разнородных, вложенных друг в друга ландшафтов.

Кроме понятия «пространство», которое можно разделить на два кода: утопия и гетеротопия, важно определить понятие «место». Операционализировать данную категорию возможно через теорию Э. Гидденса о структурировании пространства. Через термины «место действия» и «наличие-присутствие» Э. Гидденс характеризует пространство и формы взаимодействия внутри него. Внутри региона существуют локализации: публичные места, спальные районы, промышленные районы, а также специфические практики, совершаемые внутри них. Зоны, то есть места, на которые распадается пространство, по мнению Гидденса, имеют свои физически или символически проявленные границы (Giddens 1991).

Эмпирическая база исследования

Основные выводы данной работы сделаны на основе анализа глубинных интервью с местными жителями города Йошкар-Олы и анализа публикаций в федеральных СМИ, интернет-блогах. Интервью были проведены с местными жителями города Йошкар-Олы (10 человек) от 21 до 55 лет в феврале и марте 2014 г. Данная возрастная категория практически полностью совпадает с возрастом трудовой и социальной активности горожан. Сами граждане репрезентировали себя как средний класс, объясняя такую идентичность своим материальным положением и занятием квалифицированным трудом. В интервью участвовали пять человек с высшим образованием, профессионально занятые в области культуры, искусства или образования, и пять человек со средним образованием или высшим образованием, но занятые в секторе услуг, продаж или на рабочих специальностях. Выборка обусловлена гипотезой о несовпадении практик восприятия образа города жителями различных профессиональных кругов. В сфере моих интересов в данной статье находятся столкновения мнений и предпочтений генерального застройщика (губернатора Республики Марий Эл) и практики восприятия городского пространства местными жителями в предложенных условиях и обстоятельствах. Теперь перейдем к непосредственному анализу полученных данных.

Город Йошкар-Ола — столица или провинция?

Марий Эл — один из двух (наряду с Калмыкией) Приволжских регионов, столицы которых удалены от Волги и экономически не связаны с ней. Эпоха железнодорожного строительства также обошла республику стороной. Лишь в 1927 г. регион получил выход на ближайшую магистраль Москва — Казань (Республика Марий Эл...). До настоящего времени железнодорожная ветка

в Республике Марий Эл является тупиковой. По железной дороге доехать можно только до столицы соседней республики Татарстан — Казани или столицы страны — Москвы.

Республика Марий Эл — это стабильно дотационный регион (по данным Риа-Новости, дефицит бюджета в 2013 г. составил 1,2 млрд., 2014 — 1,7 млрд. рублей) с низкими темпами роста, депрессивной промышленностью (по объему производства на 66 месте из 83), высоким уровнем смертности (52 место по уровню продолжительности жизни) и безработицы (на 64 месте по уровню занятости из 83). По данным Риа-Новости, в 2012 г. республика Марий Эл находилась на 71 месте из 83 по уровню социально-экономического положения субъектов (там же). Марий Эл — это регион, для которого вот уже 17 лет характерна естественная убыль и отток населения в более крупные агломерации (1996 — 756 тыс. чел., 2013 — 690 тыс.). Единственным относительно крупным городом республики является ее столица — Йошкар-Ола, здесь проживает почти треть всего населения республики (267 тыс.) (Йошкар-Ола в цифрах...).

Генеральный план городского округа «Город Йошкар-Ола» был принят в 2009 г. и разработан до 2025 г. научно-проектным институтом пространственного планирования «ЭНКО» (Санкт-Петербург). Согласно официальному дискурсу, Йошкар-Ола имеет высокий потенциал для экономического развития и улучшения городской среды. К положительным факторам составители генерального плана города относят: благоприятную экологическую обстановку, высокий архитектурно-композиционный потенциал, высокий научно-образовательный уровень населения, большие пространства зеленых насаждений. В то же время отмечается и ряд затруднений, прежде всего связанных с особенностями ландшафта (болотистая местность, овраги, территории с уклоном поверхности), а также низкая плотность транспортных сетей, множество ветхих и аварийных зданий.

Генеральным планом предлагается выделение зоны городского центра — многофункциональной зоны для реализации административных, обслуживающих и жилых целей. Приоритетные градостроительные мероприятия для центра города: формирование благоустроенной обслуживающе-рекреационной зоны по обоим берегам реки Малой Кокшаги; строительство всех видов обслуживающих объектов; реконструкция существующих парков, скверов, бульваров, организация новых парковых и рекреационных зон; реставрация объектов культурного наследия и воссоздание утраченных памятников; организация пешеходных зон и современных автостоянок. Предусмотрено строительство ряда важных объектов: театров и концертного зала, церквей, выставочных комплексов, центров водного спорта, спортивных залов, бассейна, аквапарка, бизнес-центра, этнографического, культурно-туристического центра, дома молодежи, гостиницы, комплекса зимних видов спорта — биатлонного комплекса (О Генеральном плане...).

Образ города Йошкар-Олы: властный дискурс

В начале 2000-х гг. пост губернатора республики занял Леонид Игоревич Маркелов, приход которого был ознаменован началом активного строительства в столице республики — Йошкар-Оле. Если исходить из современного

дискурса федеральных СМИ и представлений россиян, несмотря на все изменения, Йошкар-Ола — территория «нигде», наряду с Биробиджаном или Карагандой. Леонид Игоревич Маркелов на посту губернатора республики, благодаря или вопреки данным представлениям, главным делом всей жизни считает воплощение собственных творческих потенций — создание нового облика столицы республики.

*Признаться, каждому тирану, не исключение и я,
Нужна интрига для забавы: реформа, слава иль война.
Реформы могут подождать, войну полезно избежать,
Но славу успокоить сложно, порою даже невозможно.
Дается власть как милость Бога. И это следует принять.
Всевышний спрашивает строго — царям придется отвечать.
Великий Данте всех тиранов в седьмой округе поместил
И мир об этом известил.
Тиран обязан созидать, чтоб заслужить небес прощенье.
Не царствовать, а управлять — дарить народу уваженье.
А душу уберечь от зла помогут добрые дела.
(«Тиран» Марий Эл...)**

Новая часть города Йошкар-Олы представляет собой собирательный образ средневековой Европы. Под одной «крышей» здесь оказались: набережная Брюгге, башня Дружбы, дворец Дожей и даже свой замок Нойшванштайн (образ сказочного замка из мультфильмов У. Диснея). Городские скульптуры ярко отображают ключевые образы в символах города, на сегодняшний день установлено порядка 17 памятников. Первой скульптурной композицией стал «Памятник счастливой семье», установленный в 2007 г. на бульваре Победы. Далее семейная тематика продолжила развиваться — было установлено еще две скульптурные композиции: памятник Петру и Февронии, скамья любви и верности, памятник принцу Монако и Грейс Келли. Однако если первый памятник не создавал трудностей для прочтения (к тому же он был установлен в непосредственной близости к перинатальному центру), то памятник Грейс Келли и принцу Монако с трудом читается жителями города и гостями столицы (хотя и расположен он возле нового ЗАГСа). Памятник А.С. Пушкину и Е. Онегину, Лоренсо ди Пьеро ди Медичи, памятник великому мученику Леониду и памятник Рембрандту также вызывают недоумение у гостей и жителей города.

Официальный властный дискурс в рамках утопической идеологии не стремится объяснить замыслы постройки, апеллируя к тезису о том, что скульптурные композиции построены на деньги меценатов, а сами жители не в состоянии объективно оценить архитектурные новшества.

*Вокруг Рембрандта я построил Нидерланды
И башни из кремля поставил на мосту,
Как ранее писал для пропаганды
Привить народу веру в красоту.*

* Здесь и далее стихи Л.И. Маркелова.

И пробудить в сознании стремление

У нашего и молодого поколения

Марийский край преобразить в цветущий сад. (Тимофеева 2013)

Губернатор неоднократно заявлял о своих намерениях построить город-сад, город, в котором существует все лучшее из европейской культуры. Выбор именно такой архитектуры он объясняет высокой эстетической ценностью данных образов. *«Самое важное, что свершилось в мире, согласно Маркелову, это стрелчатая Европа»* (Там же). Высокий модернизм Маркелова стремится искусственно сконструировать образ города вокруг приятных и понятных ему символов. *«Скажу так, у каждого есть свои пристрастия. Один любит ходить на медведей, другой летать на дельтаплане. А я люблю строить, архитектура — мое увлечение»* (Там же).

Восприятие городского пространства местными жителями

Между стратегиями застройщиков и практиками горожан наблюдаются противоречия. Так, местные жители отмечают, что образ города строится скорее как репрезентация вкусов и пристрастий главы республики. *«Глава, у нас все это решается суверенно, и я не думаю, что кто-то имеет еще право голоса из архитекторов, которые все это делают»* (С-14). *«Он очень человек увлеченный, ему это все интересно, он сам рассказывает, я там где-то бываю, там сфотографировал, я вот хочу это окно сюда, это вот сюда, вот придумайте, как это совместить»* (С-14).

Информанты заявляют о неравномерности развития городского пространства, недостаточном внимании к проблемам горожан. Так, изменения архитектурного облика города коснулись в большей степени центра и напрямую касаются структур власти. *«На мой взгляд, изменения коснулись властных и религиозных структур, а очень многие просто живут в своем районе и не бывают в центре. Так же как дороги они делают только в центре»* (К-14). Другая проблема, которая приобрела большую актуальность, это городские дороги. Так, надпись на стене одного из центральных зданий города, обращенная к губернатору республики, гласит: *«Леня, где дороги»*. Проблема дорог в Йошкар-Оле стоит очень остро, несмотря на продолжающиеся работы по их совершенствованию. Жители города также жалуются на нехватку больниц, детских садов и прочей инфраструктуры. *«В прошлом году лежала с ребенком в республиканской больнице — там вот такие щели в окнах! Детские кровати просто разваливаются, — возмущается молодая мама. — У нас улицы всю зиму не чистят, снег не вывозят, во двory зимой заехать невозможно. Такая вот на фоне этой роскоши нищета... Спросите его, когда дороги сделают, — притормаживая на яме, просит таксист. — Пять лет уже так»* (Тимофеева 2013). Ответ на претензии горожан Л.И. Маркелов дает в стилистике высокого модернизма. *«Мало ли что он сказал! Таксисты! Они ездят, на дорогах попадают в аварии, потом люди оказываются в больницах. Этим людей надо лечить. Не за счет таксистов, а за счет бюджета! А иногда терапия экстренная стоит до ста тысяч в день. И мы лечим этих людей! И деньги отвлекаем, вместо того, чтобы ремонтировать дороги. Часто эти таксисты пьяные совершают ДТП. Они тормозят резко. Они останавливаются, заезжая на бордюры,*

и гребят дороги! Поэтому кто их уничтожает, так это как раз таксист!» (Тимофеева 2013). Голос губернатора зачастую бывает не услышан горожанами, и им не понятны те символы, которые представлены в городском пространстве. Так, новый монумент, памятник Рембрандту, вызвал недоумение горожан: «...почему у вас Грейс Келли, почему у вас памятник Рембрандту, почему у вас Гоголь с Пушкиным, они у вас здесь были? Люди не понимают, как можно ставить памятники людям, которые здесь никогда не были, может быть, даже и не знали о существовании этого города» (С-14).

Восприятие образа города строится не только на прямом отрицании произошедших изменений. Так или иначе, горожане осваивают и осмысливают новые места Йошкар-Олы, определяют образ города в определенных кодах. Однако для начала стоит сказать, что само понятие «образ города» является сложным с точки зрения социального анализа. Образ территории — смысловой конструкт, основанный на комплексном восприятии, этот образ, как правило, неоднозначен, многомерен, его сложно дифференцировать, в отличие от бренда, сконструированного искусственно PR-специалистами (Щербakov 2013). Фактически подобный образ — это восприятие территории через призму потребностей и интересов по ее использованию.

Итак, в каких категориях, по мнению горожан, мы можем определить образ Йошкар-Олы? Во-первых, жители города не только замечают колоссальные изменения, произошедшие в облике, но и отмечают, что новая Йошкар-Ола значительно отличается от других известных российских городов. «Естественно, это видно невооруженным глазом, абсолютно другой рисунок города, абсолютно другой ландшафт, меняются люди, меняются отношения людей к городу» (С-14). Горожане отмечают не столько уникальность, сколько непохожесть города на другие города: «Среди городов Поволжья точно такого нет» (А-14); «Я в принципе такого нигде не видел, говорят, есть в Европе подобное... где-то нелепый набор архитектур, который не несет в себе новизны» (Т-14). Жители города осознают процесс копирования в архитектуре города, но поскольку подобного копирования в схожих условиях (других городах Поволжья) они не отмечали, горожане говорят о непохожести архитектуры по сравнению с решениями застройщиков в других городах.

Жители зачастую воспринимают пространство нового города как сказочное, шуточное или нереальное. Соответственно, с точки зрения теории Гидденса, для данного места характерен свой набор практик восприятия места и времени. Символический центр города, который должен воплощать силу и мощь города, превращается в парк развлечений в натуральную величину. Подобное восприятие пространства порождает затруднения в использовании места в другом контексте. Объекты, расположенные в данном месте, подпадают под общую сказочную атмосферу, превращаясь в часть аттракциона. «Сиам в миниатюре, в Японии есть амьюзмент парк, где разные части с разных частей света, но в миниатюре. У нас в натуральную величину практически, но вот это все равно парк развлечений, хотя они используют пусть для министерств, для ведомства, для банка, но когда ты стоишь, со стороны это парк развлечений» (С-14).

Говоря об образе города, думаю, уместно еще раз обратиться к понятию гетеротопии у Фуко. В таком пространстве параллельно сосуществуют несколько режимов. В случае Йошкар-Олы, это и советский период, и царский период,

и постсоветский период, и ссылки на древнее историческое прошлое Руси, и ассоциация с просвещенной Европой: «...если мы идем по Советской, там дом Пчелиных, вот старая церковь, вот эти все старые здания, но тут уже стоит Кремль и тут же вид на набережную. Нельзя сказать, вот сюда пока не смотрите, мы пока вот здесь посмотрим» (С-14). Сложность, многослойная наполненность пространства зачастую мешает зрителям (горожанам) распознавать и читать те символы, которые репрезентирует город. Здесь и переплетение времен, пространств, разных эпох и культур в рамках одного небольшого пространства. «Можно сфотографироваться и не понять, где ты находишься, в Европе или где-нибудь еще» (К-14). Несмотря на сложности в прочтении символов новой архитектуры, информанты, вспоминая опыт жизни в типовом советском городе, все же отдают ей предпочтение. В выборе между рациональностью и красотой побеждает второе: «...да, есть такая достопримечательность, конечно, она тут не в тему, но красиво же, красиво, пошли дальше» (С-14); «Блин, это прикольно. Я не думаю, что в этом удобно жить. Но выглядит очень здорово» (Тр-14).

Существует и другая сторона новой застройки города: появление настоящего публичного пространства в Йошкар-Оле. «Я приехала в 1998 году, и это было страшно. Город напоминал мне старый советский город с какими-то допотопными, довоенными зданиями, с умирающей к 8 часам вечера жизнью в центре города. Город казался очень-очень серым» (А-14). Несмотря на мнение социологов о смерти места как публичного пространства (Auge 1995: 75–76), действительность Йошкар-Олы говорит об обратном. Появление набережной, бульвара, площадей резко увеличило приток горожан в пространство нового города, появились новые практики использования, изменились маршруты прогулок: «... Вот я могу гулять по этой набережной. Ну, хоть 10 раз, мне каждый раз нравится» (С-14); «Я помню, раньше идешь вечером, по Машиностроителей, какие-то старые выкорчеванные скамейки, вообще грязь, тут же пенки, какие-то ветки, как будто никогда ничего не убирали, через бурелом, а потом как-то очень прилично, чисто стало» (С-14). Сами места в новом локусе города стали более безопасны для жителей, о чем информанты неоднократно упоминали в своих интервью. Новый локус города был выстроен с нуля на неосвоенном, маргинальном пространстве. И образ этого места, и практики его использования скорее представляли собой девиантные практики поведения. Среди горожан место считалось опасным для посещения: «...Ничего не было, знакомая говорила, что подружку там два раза насильовали» (С-14). Так называемое умиротворение с помощью капучино, о котором говорит Ш. Зукин, произошло и с Йошкар-Олой (Zukin 1995): на месте маргинального, опасного для жителей пространства появились торговые площади, кофейни, детские площадки и места для отдыха. Усиление охраны и появление освещения привлекли посетителей в новую часть города. В логике символической экономики, новый образ привлек не только жителей города, но и туристов. Имидж «Марийская Венеция» стал продаваться. В городе появились экскурсионные автобусы, в блогах о туризме заметки о скалочной Йошкар-Оле, а в московских журналах заметки о марийской кухне. Город приобрел свой, пусть неоднозначный, но самобытный образ: «И вообще, в плане туризма, что очень хорошо... раньше показывать, честно, было нечего, абсолютно нечего. Сейчас, конечно, больше» (С-14); «Город, где такая сумасшедшая необычность, христианский Лас-Вегас» (К-14).

Однако закрепленные десятилетиями пространственные практики использования места не исчезли в одночасье. Новый бульвар или новую набережную часто используют все тем же способом, что и бывшую необжитую. А появление урн на бульваре привлекло любителей пустой стеклотары: «...бульвар он вообще под вечер бывает, достаточно маргинальный, то есть, ну молодежь, которая... не интеллигенция, они сидят, выпивают. Если по утрам там гуляют мамочки с детьми, то вечером, вот и бывает очень обидно, когда особенно утром приходишь, не успели убрать» (С-14); «Так же ходят, курят, матерятся, под мостом лязят» (В-14).

Безусловно, увеличился приток туристов, образ города стал ликвидным товаром: возросла стоимость недвижимости в центре города, появились новые торговые площадки, даже новые формы публичных пространств вроде антикафе. Символический центр города стал более безопасным и благоустроенным (в отличие от других районов). Но несмотря на все дивиденды символической экономики, информанты в своих размышлениях возвращаются к тому, с чего начали: к проблемам инфраструктуры, социального обеспечения, строительства жилья: «...видят вот эту вот красивую обложечку, им все нравится, они уезжают в другой город, рассказывают, создается приятный имидж города и республики, а дальше ничего не видят, нечего не смотрят» (С-14). Горожан волнуют в большой степени проблемы жилья, здравоохранения, образования, комфортной повседневной жизни в своем «спальном» районе: «...Сейчас у людей другая ситуация, чем в Средневековье, никто не хочет страдать всю жизнь, чтобы потом получилось какое-то эфемерное царство небесное. Хотят жить сейчас в комфорте» (С-14); «Сделали просто для виду, как красивый город. Это применительно ко всему городу, раскрасили фасад, все остальное раздолбано» (В-14). Повседневные практики заставляют людей чаще бывать в местах, где сосредоточены больницы, школы, места работы, магазины, нежели в месте нового локуса города. Новый же центр города в большей степени создан как публичное пространство, которое не предполагает функциональной нагрузки: «Да, конечно я бываю в центре города, когда хожу в Евроспар» (О-14); «И на самом деле, можно говорить о красоте, но попадешь в обшарпанную больницу и застреваешь в яме на дороге, думаешь, что да, надо было сначала решить насущные проблемы. А потом уже думать о высоком» (С-14).

Заключение

В случае Йошкар-Олы очевидно, что классический конфликт между планами власти и запросами населения существует. Однако не только властные структуры насильственным образом создают пространственные образы, а население вынуждено им подчиняться, есть еще ряд важных аспектов проблемы. Согласно концепции производства пространства Лефевра, даже при условии, что правящие элиты обладают всеми возможными полномочиями для конструирования пространства, сам социальный «космос» представляет собой скорее продукт общности людей, чем творение элиты (Lefebvre 1991). Горожане посредством повседневных практик выступают в роли создателей (creators) места, трактуя его исходя из своих представлений и нужд.

В свою очередь, новый локус Йошкар-Олы является мультизнаковым и зависит от множества факторов его восприятия. Это можно объяснить тем, что,

во-первых, современный процесс интерпретации пространства сложен и неоднозначен. Человек живет в рамках множества отношений, не сводимых друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающихся. Пространство города предполагает несколько режимов его освоения. Свойство современного места — это его гетеротопичность и многослойность.

Кейс города Йошкар-Олы еще более сложен. Специфика выбранного стиля — смешение исторических периодов, стилистических решений — повергает горожанина при декодировании пространства в еще большее смятение. Пытаясь объяснить, освоить, принять новое пространство, жители часто используют как аргумент эстетическую привлекательность нового города. Вспоминая опыт жизни в типовом советском городе, йошкаротинцы не устают восхищаться новым образом центра столицы.

Кроме иррациональной патетики, горожане заявляют и о рациональных дивидендах от реновации города. Локус нового города стал ощутимо безопаснее. Состоялось «умиротворение с помощью капучино» (Ш. Зукин) — бывшее неосвоенное, маргинальное пространство превратилось в одно из наиболее популярных мест притяжения горожан и гостей города. Значительно вырос поток туристов, о Йошкар-Оле заговорили в блогах о путешествиях и в крупных федеральных изданиях. У города сформировался пусть неоднозначный, но свой имидж «Поволжской Венеции», «Марийской Венеции» или «Марийской Европы».

Однако в своих размышлениях о красоте и необычности места информанты вновь возвращаются к функциональности. Респонденты отмечают, что функциональная значимость пространства нового города довольно низка. Несмотря на эстетическую ценность места, проблемы городской инфраструктуры вкупе со сложностью восприятия новых символов города формируют довольно неоднозначное восприятие нового локуса Йошкар-Олы.

Литература

Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ, 2012, 11. [<http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sotsialnogo-prostranstva-anri-lefevra>] (дата обращения: 08.02.2014)

Вахштайн В. Социология архитектурного объекта между формальной и практической реальностью // Новое литературное обозрение, 2013, 3 [http://www.nlobooks.ru/node/3561#_ftn1] (Дата обращения: 06.12.13)

Глазычев В.Л. Политическая экономия города. М.: Delo, 2009.

Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2011, 2, с. 48–69.

Йошкар-Ола в цифрах // Городской Портал Йошкар-Ола. [<http://redgrad.ru/ioshkar-ola-v-tsitfrakh>] (Дата обращения 12.03.14)

Новое стихотворение главы Марий Эл Леонида Маркелова // Youtube [<http://www.youtube.com/watch?v=wt-wM2T1M5o>] (Дата обращения: 07.12.13)

О генеральном плане городского округа «Город Йошкар-Ола» // Информационный портал город Йошкар-Ола. [<http://www.i-ola.ru/regulatory/grad/genplan.php>] (Дата обращения 01. 04.14)

Республика Марий Эл // Социальный атлас российских регионов. [<http://atlas.socpol.ru/portraits/mary.shtml>] (Дата обращения 06.12.13).

Лобанова А. «Да, не в тему, но красиво же, красиво!»...

Тимофеева О. Градоначальник. Зачем из Йошкар-Олы делают Венецию // Русский репортер. 2013, 41 (319), 17 октября. [<http://rusrep.ru/article/2013/10/14/markelov/>] (Дата обращения: 08.12.13)

«Тиран» Марий Эл зачитал напутствие чиновникам в стихах // Lenta.ru [<http://lenta.ru/news/2011/04/13/poetry/>] (Дата обращения: 06.12.2013)

Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова, под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006, с. 194–195.

Хохлова А.М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Общество потребления: социальные и культурные основания, 2011, 14(5), с. 182–191.

Царицыно: аттракцион с историей / Коллективная монография; отв. ред. Н.В. Самутина, Б.Е. Степанов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Щербakov Е.В. Город и его историческая трансформация как философская проблема // Южно-российский форум, 2013, 2, с. 102–116.

Auge M. *Non-places: introduction to an anthropology of supermodernity*. London: Verso, 1995.

Giddens A. Time, space and regionalisation, in: D. Gregory, J. Urry (eds.), *Social Relations and Spatial Structures*. London: Macmillan, 1985, pp. 265–295.

Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.

Zukin S. *The cultures of cities*. Blackwell, 1995.